

чения на епископские должности (каноническое избрание при этом не отменялось, но превращалось в простую формальность), присвоил себе право распоряжаться частью церковных доходов. Эти доходы постоянно возрастали, поскольку церковное имущество, в отличие от светского, не подлежало дроблению между наследниками. Осуществление политики «оттоновских привилегий» имело своим следствием фактическое превращение императора в главу германской церковной организации.

Политика Оттона I в отношении собственной церкви сочеталась с его притязаниями на управление всей католической церковной организацией в глобальном масштабе. Став императором, он признал власть папы над Папской областью, но добился от него принесения вассальной присяги. Начиная с этого времени, германские императоры стали контролировать избрание пап, смещать их по своему произволу, навязывать им свою политику как в светских, так и в собственно канонических делах. Лишь в конце XI в. усилившееся папство сначала добилося независимости от германских королей, а потом обеспечило и свое верховенство над ними.

Система высших государственных органов Германии в период раннефеодальной монархии рисуется в следующих основных чертах. Глава государства — *король* (с 962 г. *император*) — обладал высшей законодательной властью. Если в X—XI вв. эта прерогатива королевской власти воплотилась в незначительном количестве нормативных актов, то в XII в. королевское законодательство значительно расширилось. Наибольшее количество изданных королем законов было посвящено регулированию взаимоотношений между светской и церковной властью, а также отношений между крупными феодалами. Так, императором Фридрихом II (1212—1250 гг.) были изданы две конституции, регулировавшие права духовных (1220 г.) и светских (1232 г.) феодалов.

Юридически за королем оставались прерогативы верховного судьи. Он мог изъять любое дело из любой судебной инстанции и рассмотреть его по существу. Кроме того, королю могла быть принесена апелляция на противозаконное решение любого судебного органа. В действительности же судебная власть короля не имела столь всеобщего и неограниченного характера, поскольку реально она распространялась лишь на узкий